

НОВОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

**Высших образований будет два:
базовое и специализированное**

Россия не только отказывается от Болонской системы, она исключает и международную терминологию

20 июня в вузах России стартует приемная кампания. Несмотря на заявление министра науки и высшего образования РФ Валерия Фалькова о ликвидации такой ступени высшего образования, как бакалавриат, в этом году студенты еще продолжают поступать по правилам прошлых лет.

К 2030 г. будут созданы условия для одновременного освоения студентами сразу нескольких квалификаций в рамках профессионального образования, заявил Валерий Фальков во время своего рабочего визита в Тюмень 20 мая. Там он провел расширенное заседание Союза ректоров Тюменской области. В министерстве полагают, что желающих получить одновременно несколько квалификаций будет примерно 30% от общего числа студентов. Всё это связано с заявлением о полном упразднении бакалавриата в России, которое прозвучало из уст главы Минобрнауки 14 мая.

Валерий Фальков заявил также, что ликвидируется само понятие «бакалавриат», но остается период обучения как на бакалавриате. И эта ступень высшего образования будет называться теперь «высшее базовое». Следующее за ним высшее образование будет называться «высшее специализированное». Но полной ясности — чего теперь ждать абитуриентам, их родителям, профессорско-преподавательскому составу вузов, наконец, тем, кто сегодня еще учится (доучивается) по программам бакалавриата, а также по магистерским программам, — до сих пор нет.

«У нас будут понятия “высшее образование” и “специализированное высшее образование”, — пояснил В. Фальков. — Уже сейчас постепенно увеличиваем число образовательных программ продолжительностью 5–5,5 лет. В результате этих преобразований у выпускников появляется больше возможностей». Пожалуй, главное, что можно отметить в этом заявлении министра, — слово «постепенно». Экспериментов в нашем образовании — и среднем, и высшем — мы уже видели немало. Вот и еще один...

На заседании Госдумы 14 мая, когда депутаты обсуждали предложенных кандидатов в новый состав прави-

тельства, В. Фальков заявил, что термин «бакалавриат» полностью исчезнет из системы российского образования в 2025 г. Студентов, которые уже учатся в российских вузах на бакалавров или поступят на бакалаврские программы в нынешнем году, не станут переводить на обучение по программам специалитета. Позже министр во время своих поездок и публичных выступлений расширил наши представления об изменениях в бакалавриате.

«В новой логике любой, кто получил высшее образование, может также пойти и бесплатно получить специализированное, — подчеркивает министр. — Другой разговор, что сама по себе эффективная массовая магистратура у нас, к сожалению, пока не сформировалась. В нашей новой системе высшего образования этот уровень останется, но будет совершенно иным». Однако всё это пока похоже на простое переименование «бакалавриата» в «высшее базовое образование». Видимо, подробности будут известны к началу нового учебного года.

В будущем изменится и сам диплом. В новом дипломе будет указываться количество лет обучения студента, направление, а также присвоенная основная квалификация. Будет в нем место и для информации о дополнительной квалификации.

Прием в вузы в этом году пройдет по прежней системе — абитуриентов будут принимать в том числе на бакалавриат. И дипломы с этой степенью в дальнейшем будут признаваться наряду с дипломами нового образца. Также министр сделал еще несколько важных заявлений.

К 2030 г. планируется вхождение России в число топ-10 стран мира по объему научных исследований и разработок. Ежегодно переобучать будут не менее 10% педагогических работников на базе ведущих университетов и научных организаций. Планируется увеличение внутренних затрат на исследования и разработки не менее чем до 2% ВВП, в том числе за счет увеличения инвестиций со стороны частного бизнеса на эти цели не менее чем в два раза.

Заявление об отмене бакалавриата прозвучало одновременно с планами довести до 500 тыс. к 2030 г. численность иностранных студентов в российских вузах и научных организациях. И это довольно интересный момент.

Ранее при обсуждении темы бакалавриата назывались такие цифры: многоуровневую систему высшего образования, основанную на схеме «бакалавр – магистр», используют более 95% государств мира, в том числе Китай, Индия и др. В случае выхода России из Болонской системы остается вопрос о взаимосогласовании программ и приложений к дипломам.

Конечно, можно привести пример СССР, когда дипломы советских вузов котируются за рубежом без зарубежной «протекции». Но эксперты напоминают, что не все страны, которые имеют бакалавриат, приняли Болонскую систему. Из 185 только 48 стран вступили в Болонское соглашение.

Россия не только выходит из Болонского соглашения, она исключает международную терминологию. И это решение носит в том числе политический характер. Призывы возвращать советскую систему – это даже не о контенте, хотя и это очень важно. Это призывы создать альтернативу Болонье.

*Наталья Савицкая, обозреватель
«Независимая газета»*

Вузы России ухудшили позиции в престижном инженерно-технологическом рейтинге QS

Только четыре из 13 университетов в этом году поднялись на более высокие строчки глобального списка

Большинство российских вузов (8 из 13) ухудшили свои показатели в международном рейтинге университетов 2024 г. британской консалтинговой компании Quacquarelli Symonds (QS) в категории «Инженерия и технологии» по сравнению с показателями 2023 г., следует из данных на сайте организации. Глобальный рейтинг QS – один из трех самых известных и престижных ранкингов вузов в мире.

Восемь из 13 отечественных вузов, получивших итоговую оценку, потеряли свои прежние позиции в инженерно-технологическом рейтинге QS. Среди них Московский физико-технический институт (МФТИ, упал с 169-го на 182-е место), Университет ИТМО (с 155-го на 191-е), Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (с 214-го на 249-е), Томский политехнический университет (с 240-го на 269-е), Новосибирский государственный университет (с 249-го на 278-е), Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (с 265-го на 311-е), Санкт-Петербургский государственный университет (с 200-го на 216-е), Московский государственный университет (МГУ) опустился всего на одну ступень – с 57-го на 58-е место.

Уральскому федеральному университету удалось закрепить на своей прошлогодней позиции – 293-е место.

Четыре отечественных вуза улучшили свое положение в профильном рейтинге QS. Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана поднялся с 175-го на 170-е место, Российский университет дружбы народов (РУДН) – с 249-го на 207-е, Томский государственный университет – с 307-го на 296-е, а Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – с 331-го на 313-е.

Отрицательная динамика позиций некоторых российских университетов в международных рейтингах связана с несколькими факторами: задержкой индексации научных статей в иностранных академических базах данных Scopus и Web of Science, общим снижением количества статей, а также с сокращением числа иностранных студентов, научных работников и преподавателей, прокомментировал проректор по науке РАНХиГС Артур Азаров. Он также отметил снижение интенсивности коллабораций с зарубежными авторами, что также может негативно влиять на цитируемость статей.

В частности, МФТИ ощущает санкционное давление, оказываемое на Россию, рассказал представитель пресс-службы института. «Вызванный ограничениями спад публикаций наших ученых в ведущих мировых научных журналах, отказ некоторых партнеров от взаимодействия с МФТИ отразился на позициях института в международных рейтингах», – пояснил он.

Кроме того, часть отечественных вузов просели в рейтинге QS, т.к. в России пересматриваются подходы к оценке эффективности научной деятельности, говорит директор Института образования НИУ ВШЭ Евгений Терентьев. По его словам, меньше внимания стало уделяться публикациям в международных базах цитирования, которые являются одним из важных показателей в глобальных рейтингах.

Помимо глобального, компания составляет предметные рейтинги, учитывающие академическую репутацию, опубликованные исследования и их цитируемость, трудоустройство студентов и другие показатели.

Всего в предметный рейтинг QS по направлению «Инженерное дело и технологии» в этом году вошло 555 университетов из 74 стран (годом ранее – 533 вуза). От России участвовало 17 университетов, по четырем из них общая оценка не была выставлена (они оказались в конце рейтинга).

Представитель МФТИ подтвердил переориентацию сотрудничества на зарубежные академические центры, не подверженные политическому влиянию. В основном институт наращивает кооперацию по проектам, нацеленным на обеспечение технологического суверенитета России, уточнил он.

Один из показателей в международных рейтингах – это экспертная оценка вуза со стороны работодателей и академического сообщества, добавил Е. Терентьев. Он предполагает, что в таких оценках также «присутствуют некоторые

негативные эффекты, связанные с геополитическими процессами».

Тем не менее следить за положением российских вузов в международных рейтингах по-прежнему целесообразно, считает А. Азаров. «Такие рейтинги значимы во многих странах мира, поэтому хорошие позиции [в них] значительно увеличивают привлекательность наших университетов для иностранных абитуриентов и ученых из дружественных стран — участников БРИКС и ШОС», — добавил он.

С ним соглашается Е. Терентьев: «Полезно соотносить себя по набору показателей с кем-то еще, для того чтобы понимать, где ты и куда движешься». Среди российских вузов есть и те, кто в последние годы заметно улучшил свои позиции. К примеру, РАНХиГС в 2024 г. впервые вошла в предметный рейтинг QS по политическим наукам, улучшила позиции в рейтинге QS по экономическим дисциплинам и поднялась выше в другом известном рейтинге, THE Young Universities (составляет британское издание Times Higher Education), говорит он. «И всё же не нужно абсолютизировать рейтинги, потому что их много и везде разная методология», — резюмировал Е. Терентьев.

Почему рейтинг QS важен для России

QS — один из трех авторитетных международных рейтингов наряду с Times Higher Education (THE) и шанхайским Academic Ranking of World Universities (ARWU). В 2013 г. для повышения престижности отечественного высшего образования в мире была запущена программа «5–100». За счет дополнительного госфинансирования она должна была к 2020 г. помочь не менее чем пяти университетам войти в первую сотню ведущих вузов мира (по версии этих трех рейтингов). В 2020 г. программу «5–100» было решено свернуть, своих целей она так и не достигла.

Счетная палата в 2021 г. в своем докладе констатировала, что по итогам 2020 г. ни один российский университет из 21 вуза — участника «5–100» не вошел в первые сотни мировых рейтингов. Тем не менее по итогам 2020 г. восемь вузов попали в топ-100 отдельных предметных ранжирований ARWU, THE и QS.

В марте 2022 г. компания Quacquarelli Symonds объявила о прекращении сотрудничества с Россией на фоне спецоперации на Украине. Позже QS приняла решение не исключать отечественные вузы из рейтинга, при этом пообещав не привлекать к участию в нем новые учебные заведения из РФ.

МГУ — единственный российский университет, который в этом году вошел в топ-100 главного рейтинга QS World University Rankings 2024: Top global universities, заняв 87-е место. Вуз остается самым успешным и в предметных ранжированиях QS. МГУ попал в топ-100 по направлениям: лингвистика (19-е место), современные языки (25-е), естественные науки (33-е) философия (35-е), математика (37-е), физика и астрономия (37-е) и еще в 14 профильных рейтингов.

Анастасия Майер, Анна Киселева
«Ведомости»

Эта идеология называется «Университет 3.0»

В Кремниевой долине в США, где проживают около 7 млн человек, расположено более 150 технологических компаний, оцениваемых более чем в 1 млрд долл. каждая. В чем секрет такой эффективности? Умные выпускники университетов, венчурный капитал и возможность оперативно получить консультации по научно-технологическим и юридическим вопросам — считают эксперты. Обратите внимание: «умные выпускники университетов» возглавляют этот перечень. Между тем само университетское образование, которое насчитывает уже около тысячи лет, сегодня переживает во многом драматический период. Модель классического гумбольдтского университета (образование на основе развития научных исследований) в начале XXI века оказалась явно недостаточной, чтобы удовлетворить гуманитарные и технологические потребности современного общества. Во всем мире идет переход к модели университета третьего поколения («Университет 3.0»). В этой модели к целям развития науки и образования в своих стенах университет добавляет третий компонент — коммерциализацию ноу-хау. О специфике новой модели университета в беседе с ответственным редактором «НГ-науки» Андреем Вагановым рассказывает доктор химических наук, профессор, заведующий кафедрой химической технологии и новых материалов химического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Виктор Авдеев.

— Виктор Васильевич, сегодня много говорят о необходимости трансформации системы университетского образования. Зачастую это обосновывается кризисом университетов во всем мире, не только в России. В чем, на ваш взгляд, проявляется этот кризис традиционной гумбольдтовской модели университета?

— Я бы не сказал, что это кризис гумбольдтовской системы. Это скорее кризис развития общества, нуждающегося, с одной стороны, в новых знаниях и, с другой стороны, в тех специалистах, которые эти знания могут превращать в комфорт для людей, в лучшие условия жизни. В блага, одним словом. То есть создавать продукты, услуги и технологии, которые улучшают нашу жизнь. И человечество как раз поняло, что университеты — это и есть те самые площадки, это те команды, которые могут действительно изменить жизнь страны, общества, региона к лучшему, изменить кардинально.

Теоретической основой к пониманию того, что называется «кризис», служит теория знаменитого австрийского и американского экономиста и социолога Йозефа Шумпетера. По Марксу, капиталисты — это злодеи, эксплуататоры, это те, кто за какую-то прибыль или сверхприбыль всё продадут: и мать, и родину. А вот Шумпетер выступил с другой моделью. Что преобразует общество, улучшает это общество, улучшает жизнь для людей этого общества? Компетенции, которые базируются на такой триаде: изобретатель (ученый), финансист и, самое главное, предприниматель, который может, опираясь на знания и ресурсы, создавать новые, более комфортные материалы, технологии, средства связи, средства передвижения и т.д.

Да, технология безусловно важна, но еще более высокий уровень — это компетенция. И можно только сожалеть, что среди приблизительно 300 кафедр МГУ слово «технологии» присутствует в названии всего нескольких. В том числе в названии нашей кафедры, которой исполняется 220 лет в этом году. 5 ноября 1804 г. император Александр I утвердил устав Московского университета и подписал Утвердительную грамоту: университет состоял из четырех отделений (факультетов) и ряда кафедр. Одна из них — технологии и наук, относящихся к торговле и фабрикам. Она была приписана к отделению (факультету) физических и математических наук.

Можно отметить, что на химическом факультете совсем недавно решением ученого совета МГУ создана специализация «Химическая технология». Надеемся, что в 2025 г. скомплектуется уже полноценная группа, 24 магистранта. Это как раз движение в нужную сторону. Эти 24 человека — будущие элитные технологи для решения самых сложных проблем страны в материаловедении, в области химии.

— Кстати, по поводу вот этих способных ребят, которые к вам приходят. Вы ведь в магистратуру стараетесь набирать инженеров, а не просто студентов после четвертого курса?

— Скажем так, мы стараемся набирать людей из инженерных и технологических вузов. Тех, кто, с одной стороны, хочет пополнить фундаментальными знаниями свой багаж, а с другой — ментально готов работать как инженер, технолог. Вот это слово «Инженер», оно только тогда ценно, когда с большой буквы...

Когда я говорю про инженеров, то рассчитываю, что они, когда поступали в инженерные или технологические вузы, уже тогда априори им это нравилось, по крайней мере большинству из них. И мы говорим — хорошо, теперь давайте станьте великими инженерами вот в этой области. Возьмите на себя, разделите ответственность за успех отрасли, успех какого-то направления. Вот, собственно, что стоит за этим приглашением.

— Как говорил Рудольф Дизель в свое время — у него есть замечательный афоризм: «Инженер может всё».

— Да, да. Для меня, как разработчика, инженер — высокоуважаемый человек. Ведь с ним моя идея или идея другого разработчика стоит на порядки больше, потому что это не только идея потенциальная, это идея реализованная. Без инженера такое невозможно. Но инженер иногда становится и великим разработчиком.

— Вопрос традиционный для России, и его контекст связан с тем, что вы сказали. Университетское образование

практически всегда связывалось в общественном сознании, да и в сознании профессионального сообщества, с фундаментальной теоретической подготовкой. Этим, кстати, гордилась — и вполне законно гордилась! — советская система высшего образования. Идея была проста: будет фундамент — на него легко нарастить прикладные знания и умения. Однако в модели университета третьего поколения акцент делается на коммерциализацию получаемых ноу-хау. Как это совмещается? В том числе и на примере кафедры химической технологии...

— В той модели «Университета 3.0», о которой мы говорим, нет никакого противоречия. В основе высоких технологий лежат как раз глубочайшие фундаментальные знания. И это условие абсолютно необходимое.

Если говорить о химических волокнах, то в этой области как раз по этой линии идет колоссальная конкуренция, развитие неравномерно. Вчерашние лидеры с опаской смотрят на то, что происходит, скажем, в Китае и в других странах. Мир меняется, он становится и в науке действительно менее однополярным. Так вот, без фундаментальных знаний любая фирма, которая сегодня может в этой области блистать и развиваться, — она сойдет с дистанции от 1-2-3 лет до 3-5. Выиграют те, которые сейчас идут вторыми. И как они будут обгонять сегодняшних лидеров? Прежде всего за счет фундаментальных знаний.

По-другому могу о том же самом сказать. Я повторяю очень часто в выступлениях на научных конференциях, перед студентами: именно у классических университетов, задача которых развивать знаниевую основу, фундаментальную базу, — у них колоссальные преимущества при коммерциализации этих знаний. Потому что, во-первых, бизнес всегда междисциплинарный. Во-вторых, в бизнесе успех зависит от научных знаний не больше чем на 10–15–20%. 20% — это предел. Остальное — это юристы, экономисты, психологи, журналисты. То есть управленцы...

И главный человек в этом процессе — предприниматель. И вот в высоких технологиях самый сильный предприниматель — это тот, который находится внутри этого знания. Эта идеология и называется «Университет 3.0». И если есть вот эта технология и талант предпринимательский, с деньгами нет проблем. И мой опыт, опыт кафедры химической технологии, это как раз показывает. Поэтому — именно фундаментальная подготовка.

— Правильно ли я понимаю, что в данном конкретном случае, скажем, студенты первого, второго, третьего курсов получают на химфаке фундаментальное химическое образование, а потом приходят на вашу кафедру?

— Нам интересны те, кто окончил профильные базовые кафедры, из них мы и формируем команды. Притом что

часто это не только химики — хотя мы говорим о материалах, — но и технологи из других вузов. Нам нужны и физики, и математики, нужна кооперация. В чем здесь развилка? Она принципиальная.

Для тех, кто имеет склонность и занимается только фундаментальной наукой, для них фундаментальность определяется тем, в каких журналах они публикуют свои статьи, сколько ссылок на них, импакт-фактором и тому подобными наукометрическими данными.

Я же всех предупреждаю, кто хочет заниматься технологиями: вы публикуете только неудачи. Продукт технолога — это новая услуга, новый материал, которые как бы оценены. Рынок оценил. То, что публикует технолог, — в лучшем случае это патенты. А о том, как технолог придумал что-то впервые, он, наоборот, не рассказывает, это — ноу-хау. Технологии на этих знаниях и основываются. А это конкуренция, жесткая конкуренция. Не тот, кто первый, а тот, кто лучше сделал, кто эффективнее сделал, материал лучше, себестоимость ниже...

Вот это принципиальная развилка. Поэтому технологи используют знания для того, чтобы сделать услугу, продукт, а не для того, чтобы опубликовать статью.

— Можно ли говорить, что в модели «Университета 3.0» речь идет об изучении конкретных областей, а не дисциплин в рамках факультета, химического, допустим?

— Конечно. Как выглядит эта модель «Университета 3.0» в нашем исполнении?

Во-первых, это кафедра, это факультет, это Московский университет. И это синоним того самого Гумбольдтовского университета, о котором вы говорили, — наука и образование. Наука фундаментальная. Потому что без людей, которые глубоко знают химию, математические методы расчетов, глубоко понимают физику — в высоких технологиях делать нечего. В технологиях космических, авиационных, ядерных и т.д.

Дальше. Как мы понимаем миссию современного университета. Во-первых, выдвижение стратегических идей; во-вторых, формирование команд для реализации этих идей; в-третьих, создание высокотехнологичного бизнеса силами подготовленных команд.

Это главные тренды нашей трансформации, которым мы следуем уже больше 20 лет вместе с Московским государственным университетом. Исходя из этого, на базе нашей кафедры создан Институт новых углеродных материалов и технологий. Это и есть та площадка, где знания трансформируются в технологии, в прототипы, в опытные партии материалов, опытные технологии, опытное оборудование.

Вот так мы видим этот университет третьего поколения. Хочу подчеркнуть, что фактически Институт новых угле-

родных материалов и технологий — это и есть интерфейс между фундаментальной наукой и образованием, с одной стороны, и высокотехнологичным бизнесом, с другой стороны. Мы знакомим с работой института студентов пятого курса. Они непосредственно могут наблюдать, как знания, фундаментальные химические знания, становятся инженерными идеями и реализуются в реальные продукты и услуги; студенты знакомятся, как мы это делаем. Технология и материалы для космической техники, для герметизации, для супертеплопроводников... И всё это воплотили в жизнь вчерашние выпускники химфака. Как это делается — этому мы и стараемся учить студентов.

— Немножко возвращаясь в начало, когда вы говорили как раз о трансформации знания в инновации, продукты, услуги, в оборудование и материалы. Не далее как 10 апреля этого года открылось строительство в научной долине МГУ кластера «Инжиниринг». 20 тысяч квадратных метров площадей, как предполагается, заселят до 240 научно-технологических компаний, работающих в области IT, машинного инжиниринга, робототехники, биотехнологий, фармацевтики, энергосбережения, эффективного хранения энергии... Вы там собираетесь участвовать?

— Мы сильно переросли уже возможности, которые предоставляет научная долина МГУ и кластер «Инжиниринг» в частности.

Мы инициировали создание «Композитной долины» в Тульской области. Потому что это мощный химический регион, и вот там-то как раз можно реализовывать идеи, прототипы, которые нарабатываются в университетской научной долине «Воробьевы горы». Такая была идеология. Но она, собственно, и остается.

Именно кризис «сырьевой экономики» и подтолкнул к трансформации университетов от модели Гумбольдта к модели «Университета 3.0», которая делает его выпускников успешными людьми. В этой модели всё есть: и карьера, и хорошая зарплата, и возможность работать на высокотехнологичных приборах, ведь современные исследования — дорогая штука.

Экономика знаний — это и есть университет третьего поколения, когда люди могут свои знания превращать, как мы уже говорили, в технологии, а через технологию — в продукты, услуги и т.д.

Собственно, что такое университет третьего поколения? Это возможность привлечь талантливых людей, возможность вооружить их по жизни знаниями и умением реализовывать эти знания, возможность изменить страну, город, регион. Чтобы Россия стала четвертой экономикой, к чему и призывает наш президент, достаточно не сырье продавать, а продукцию после хотя бы двух-трех

переделов. Всего лишь! То есть не гнать за рубеж природный газ, а делать из него разнообразные пластики. Еще недавно доходило до абсурда: российские химкомбинаты не могли производить некоторые виды полиэтилена, потому что не было исходного сырья — природного газа. Я уже не говорю о шинах. Шина — это уже третий передел. Не продавать, например, никель в слитках, а хотя бы выпускать катоды для химических источников тока, для тех же самых литий-ионных батарей.

— По вашим ощущениям, этот переход уже происходит?

— Вы знаете, мне кажется, что самой науке и университетам еще не хватает смелости взять на себя ответственность за эту трансформацию, за то, чтобы предложить студентам другую траекторию развития, другие перспективы.

Приведу пример. Он касается великих ученых, работавших на нашей кафедре, возглавлявших ее. Они создавали целые отрасли индустрии. Имя академика Семена Исааковича Вольфовича неразрывно связано с созданием промышленности минеральных удобрений в Советском Союзе. И сегодня эта индустрия дает около 6% ВВП, а ее продукция экспортируется. Академик Леонид Федорович Верещагин, мой учитель, — это синтетические алмазы, сверхтвердые вещества. Академик Валерий Алексеевич Легасов — атомная энергетика; мы по-прежнему одни из мировых лидеров в этой отрасли, если не абсолютные лидеры.

— Кажется, государство начинает понимать и рассматривать модель «Университета 3.0» как инструмент экономического роста прежде всего. Вы уже привели несколько примеров этого. Но всё же, подводя итог: насколько университет третьего поколения полезен и эффективный инструмент?

— Вы правильно сказали, что государство начинает осознавать и двигаться в сторону от модели «Продадим нефть и газ, купим всё что угодно». Жизнь показала, научила и проучила. Не скрою, я с удовольствием прочитал Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденную 28 февраля 2024 г. указом президента России. В ней очень много правильных слов сказано. Надеюсь, что это будут не только слова, но и дела. В этом документе говорится и об инициативе людей, и о частном высокотехнологичном бизнесе, и о новых задачах университетов.

Повторю, в принципе это очень хороший документ. Но он не отвечает на целый ряд вопросов. Кто возьмет ответственность за реализацию этой стратегии? Университеты, Российская академия наук? Мое мнение, что только университеты с той частью Академии наук, которая вернется в университеты, подставит плечо университетской молодежи своими знаниями, своей инфраструктурой. По-

тому что знать, опять же по Шумпетеру, — этого мало. Нужно команду сформировать. Поэтому миссия университета, как я ее формулирую для себя, — выдвижение идей, которые меняют мир, улучшают страну. Формирование команд, которые эту миссию будут выполнять.

И здесь, еще раз подчеркну, классический университет гораздо больше дает возможностей. Здесь можно собрать команду для решения любых задач — и физиков, и химиков, и математиков. Но мы добавляем к этому один важный элемент — плюс реализация. Мы этим собственно и занимаемся. На кафедре мы учим, создаем команды, обкатываем их в стенах Института новых углеродных материалов и технологий. А дальше — создание производств, производств, производств...

Андрей Ваганов, ответственный редактор

Приложение «НГ-Наука»

Власти усилят контроль за качеством медицинского образования

Частные медвузы ждут внеплановые проверки, а Минздрав может стать разработчиком единых требований к подготовке медиков по всей стране

Группа депутатов Госдумы готовит законопроект, направленный на повышение качества медицинского образования в России. В нем будет предложено усилить роль Минздрава, включив его в организацию процесса подготовки медицинских кадров в учебных заведениях всех уровней — от медицинских факультетов в классических (непрофильных) университетах и частных вузах до организаций в сфере дополнительного профессионального образования. Сейчас Минздрав устанавливает стандарты и требования к подготовке медицинских кадров только в подведомственных ему университетах. О разработке документа сообщили соавторы законопроекта — председатель думского комитета по охране здоровья Бадма Башанкаев (фракция «Единая Россия») и глава комитета по науке и образованию Сергей Кабышев («Справедливая Россия»).

Изменения коснутся закона «Об образовании», уточнил представитель комитета по охране здоровья.

В частности, в законопроекте будет предложено наделить Минздрав новыми полномочиями. По мнению депутатов, ведомство совместно с Минобрнауки должно определять целесообразность создания образовательных организаций, готовящих медицинские кадры, или их подразделений, а также согласовывать объемы подготовки медиков по направлениям, говорит Б. Башанкаев. «Несударственные вузы в первую очередь ориентированы на коммерчески успешные специальности. Выпустили, допустим, 200 дерматологов. А стране сейчас столько дерма-

тологов не требуется, нужно больше врачей первичного звена (к нему относятся поликлиники, фельдшерские и акушерские пункты, дневные стационары. — «Ведомости»). На наш взгляд, распределение объемов подготовки — вне зависимости от источников финансирования — по всем уровням медицинского образования должно согласовываться с Минздравом России», — пояснил он.

Кто отвечает за подготовку медиков

Медицинские кадры в России готовят 163 вуза. Из них 46 подведомственны Минздраву, остальные 117, где открыты медицинские факультеты, подчиняются Минобрнауки, говорил 3 апреля В. Володин. Во время отчета правительства он обратил внимание на то, что «министр здравоохранения отвечает за качество здравоохранения, а [медицинские] факультеты открывают другие министры», и раскритиковал такой подход. Володин призвал главу Минобрнауки В. Фалькова задуматься над качеством подготовки специалистов.

Помимо вузов Минздрава медицинские кадры готовят в МГУ, СПбГУ, 56 подведомственных вузах Минобрнауки, трех вузах Минпросвещения, трех муниципальных и 14 частных вузах, а также в двух научных организациях, рассказывал С. Кабышев.

С. Кабышев также считает важным разработать критерии и процедуры, которые позволят Минздраву и Рособнадзору учитывать конкретные региональные потребности в медицинских кадрах и прогнозировать будущую занятость выпускников при создании новых образовательных программ.

Помимо этого, по словам С. Кабышева, необходимо повысить роль Федерального учебно-методического объединения (ФУМО) для создания единых подходов к содержанию программ медицинского образования, совершенствования процедуры аккредитации медицинских специалистов, ужесточения требований к дополнительному профессиональному образованию врачей. Для этого группа депутатов во главе с С. Кабышевым 6 мая внесла в Госдуму законопроект, усиливающий позиции ФУМО по перечисленным направлениям, документ опубликован в электронной базе нижней палаты.

Наряду с готовящимися законодательными инициативами ряд негосударственных коммерческих вузов с июня по декабрь 2024 г. ждут внеплановые проверки.

С. Кабышев совместно с Д. Башанкаевым 6 мая направил премьер-министру Михаилу Мишустину письмо, где просит проверить качество медицинского образования в частных вузах. Депутаты рекомендуют обратить внимание на то, как проходит учебный процесс в частных медвузах, есть ли там необходимая инфраструктура и условия для прохождения студентами практики. В Госдуме обсуждается необходимость проведения проверок в 20 организациях, которые реализуют программы медицинского образования, включая частные вузы. Претензии к ним в основном касаются качества подготовки выпускников, уточнил он.

Профессор Института образования НИУ ВШЭ Ирина Абанкина считает, что проверки в перечисленных вузах в большей степени будут связаны с соблюдением аккредитационных требований, т.к., вероятно, есть «претензии к качеству образовательных программ». При этом директор Института экономики здравоохранения НИУ ВШЭ Лариса Попович напомнила, что в стране всё еще есть дефицит врачей. В 2023 г. российским медучреждениям не хватало почти 30 000 врачей и 63 000 человек среднего медперсонала, сообщила в марте замглавы Минздрава Татьяна Семенова. Поэтому беспричинно запрещать работу негосударственных учебных заведений было бы «как минимум странно», считает Попович.

Ректор Первого МГМУ им. И. М. Сеченова (Сеченовский университет), академик РАН Петр Глыбочко считает, что Минздрав должен сформировать в стране единый стандарт качества медицинского образования. С таким предложением, по его словам, выступили Совет ректоров медицинских и фармацевтических высших учебных заведений и Координационный совет по области образования «Здравоохранение и медицинские науки» (создан приказом Минобрнауки в 2020 г.), председателем которых он является. Координационный совет вместе с ФУМО уже разработал единые требования к образовательным программам вузов Минздрава. П. Глыбочко предложил наделить совет полномочиями по разработке типовых образовательных программ высшего образования по всем медицинским и фармацевтическим специальностям.

Анна Киселева, Анастасия Майер, Дарья Артемова
«Ведомости»